

RU

Художественный образ Чукотки в романе С. Забаровой «Ватыркан»

Нужная Т. В.

Аннотация. Цель исследования – характеристика художественного образа Чукотки в романе С. Забаровой «Ватыркан» на уровне композиции текста, принципов сюжетосложения и поэтического выражения. Автор статьи показывает, что детали чукотского пейзажа, описание традиций, флоры и фауны этого региона, персонификация природных объектов и использование приема «сопутствующего признака настроения» в романе воссоздают национальный колорит, демонстрируют влияние природных явлений на характер и судьбу человека, меняют линии сюжетного повествования, а также выделяют специфику психологии героев. Роман современной российской писательницы Светланы Забаровой «Ватыркан» в особом ключе и авторской поэтике рисует читателю образ Чукотки, требующий отдельного осмысления. Этот роман еще не становился объектом специального научного анализа: впервые характеризуется образ Чукотки в романе «Ватыркан» на уровне композиции, принципов сюжетосложения и средств словесной выразительности, что представляет научную новизну заявленного исследования. В результате доказывается, что образ Чукотки выполняет функцию основного эмоционального фона для развития сюжета. Поэтические образы природы становятся звеньями, соединяющими в единое целое полную картину художественного образа Чукотки. В описании северной природы присутствует авторская характеристика пейзажного пространства Чукотки, достоверно отражающая природные реалии, а поэтический стиль подчеркивает специфику местного колорита и создает собственную метафизику романа и образа Чукотки.

EN

The artistic image of Chukotka in S. Zabarova's novel "Vatyrkan"

T. V. Nuzhnaia

Abstract. The aim of the research is to characterize the artistic image of Chukotka in S. Zabarova's novel "Vatyrkan" at the level of text composition, principles of plot development, and poetic expression. The author of the article shows that the details of the Chukchi landscape, the description of traditions, flora and fauna of this region, the personification of natural objects, and the use of the "concomitant mood feature" technique in the novel recreate the national flavor, demonstrate the influence of natural phenomena on the character and fate of man, change the lines of the plot narrative, and highlight the specifics of the psychology of the characters. The novel "Vatyrkan" by modern Russian writer Svetlana Zabarova, in a special way and with the author's poetics, paints a picture of Chukotka for the reader that requires separate comprehension. This novel has not yet been the object of special scientific analysis: for the first time, the image of Chukotka in the novel "Vatyrkan" is characterized at the level of composition, principles of plot development, and means of verbal expressiveness, which represents the scientific originality of the research. As a result, it is proved that the image of Chukotka performs the function of the main emotional background for the development of the plot. Poetic images of nature become links that connect the whole picture of the artistic image of Chukotka into a single whole. The description of the northern nature contains the author's characterization of the landscape space of Chukotka, accurately reflecting natural realities, and the poetic style emphasizes the specifics of the local color and creates its own metaphysics of the novel and the image of Chukotka.

Введение

Практически в любом литературном произведении именно художественный образ становится особым средством структурной и поэтической организации текста. Выявление и анализ центральных образов способствуют более полному пониманию поэтики всего художественного произведения. Художественный образ в авторской интерпретации приобретает новые смысловые проекции в ежедневно меняющемся мире литературы, что определяет актуальность представленной работы. Несомненно и интерес современных авторов

к пониманию и описанию заполярных пространств: труднодостижимых и малоизученных уголков нашей планеты. Образ Чукотки не раз становился объектом научного изучения. Чаще всего его рассматривали в творчестве коренных писателей этого региона. Заслуживают интереса статьи А. С. Жулевой (2018) «Мифопоэтика пространства в романах Юрия Рытхэу», С. С. Павлова (2023) «Концепт СЕВЕР в художественной картине мира чукотского поэта В. Г. Кеулькута», М. А. Юриной (2016) «“Чукотка” Т. З. Сёмушкина как “повесть воспитания”» и диссертации Т. В. Жарковой (1999) «Чукотские и колымские повести и рассказы В. Г. Тана-Богораза: в контексте становления и развития литературы Северо-Востока России», Р. В. Епанчицева (2009) «Художественный мир рассказов и повестей О. Куваева», Л. П. Миляховой (2008) «Роман Еремея Айпина “Ханты, или Звезды Утренней Зари”: генезис, образный строй, контекст, поэтика». Не менее интересен обзор чукотской литературы с анализом ее формирования, представленный в сборнике «Чукотская литература» (2007) (составитель В. Огрызко). Исследователь Ю. Г. Хазанкович (2007) в статье «Художественные хронотопы в прозе малочисленных народов Севера (к постановке вопроса)» выявляет устойчивые культурные хронотопы (мотивы, образы, сюжеты) в текстах северных писателей и поэтов. Одним из самых последних исследований художественных образов литературы северных народов стала монография А. С. Жулевой (2020) «Три мира народов Севера», в которой рассматривается авторская поэтика и мифологизм произведений, созданных на чукотском, эскимосском, эвенкийском и других национальных языках малочисленных народов Севера.

Для поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить художественный образ Чукотки в романе С. Забаровой «Ватыркан» на уровне композиции текста;
- определить влияние образа Чукотки на принципы сюжетосложения;
- охарактеризовать художественный образ Чукотки в пейзажных описаниях.

Теоретической базой представленного исследования в области специфики художественного образа стали работы классиков и современников отечественного и зарубежного литературоведения и лингвистики: М. М. Бахтина (1975), Д. С. Лихачёва (1968), Ю. М. Лотмана (1994), В. В. Виноградова (1959), Н. Д. Арутюновой (1990; 1998), О. В. Агафоновой (2020), Е. Б. Борисовой (2009), М. Л. Гаспарова (2001), R. Barthes (2002), M. Bodkin (1963), обращавшихся к проблемам теоретического осмысления понятий «художественный образ», «метафора», «символ», «тип», мифологическому и семиотическому аспекту образности художественного текста. Понятие «художественный образ» разрабатывалось и в смежных науках: в философии, эстетике, психологии, искусствоведении и даже политологии. В настоящее время акцент в изучении художественного образа смещается с точки зрения его трансцендентального (объективистский подход) содержания на психическое, частное, авторское (субъективистский подход (Горбовская, 2015)).

В основе методологии лежит культурно-исторический метод, а также метод целостного анализа литературного произведения, позволившие исследовать образ Чукотки в системе сюжетосложения и системе персонажей, а также в пейзажных описаниях.

Материалом исследования послужил роман современной российской писательницы С. Забаровой «Ватыркан»:

- Забарова С. В. Ватыркан. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; Петрополис, 2020.

Практическая значимость определяется возможностью применения результатов работы в подготовке рабочих программ дисциплин, в преподавании курса лекций по «Современной русской литературе» и использованию на практических занятиях по дисциплинам «Филологический анализ текста» и «Введение в литературоведение».

Обсуждение и результаты

Образ Чукотки в системе сюжетосложения и в персонажных образах романа «Ватыркан»

Основной сюжет романа С. Забаровой «Ватыркан» разворачивается на территории малонаселенной Северо-Восточной части России на границе Чукотки и Корякии, где геодезическая бригада в 1990-е годы по государственному заказу выполняет высокоточное нивелирование. Уже само название романа – «Ватыркан» – закладывает определенную характеристику Чукотки, а точнее ее части – Хатырки: «Хатырка. От чукотского Ватыркан, сухое истощенное место, от ватык – худеть, тощать, в этом месте люди теряют силы, обессиливают...» (Забарова, 2020, с. 177). Эта замороженная, твердая тундра, лишь слегка подтаивающая летом, требует и от своих обитателей такого же твердого и негибкого характера. Тундра «забирает» слабых, ей не знакомы жалость и милосердие. В экстремальных полевых условиях духовно слабому человеку не выжить, здесь нужно быстро и четко принимать единственно верное решение. Но всем, кто в нее влюблен, Чукотка распахивает свои объятия: «В этой вечной мерзлоте кипит своя особенная жизнь: небо кишело птицей, воды – рыбой, по тундре неслись олени стада, в сопках скакали зайцы, лисы, песцы, возле своих жилищ сторожко посиживали лемминги, краснокишечные лопатки выводили новое потомство, перла из мерзлоты трава, на лежбища шли тяжелыми глянцевыми волнами моржи, стороной, вдоль косы ходили серые киты, фуркая в небо фонтанами...» (Забарова, 2020, с. 135). Так пышно, богато и радостно представлена в романе чукотская фауна, что демонстрирует специфический колорит и создает живой образ Хатырки, несмотря на давящий стереотип Заполярья как холодного и мрачного края.

В романе «Ватыркан» Чукотка олицетворяется, она раскрывается перед героями, как кокетливая девушка, желающая заполучить видного жениха, влюбить в себя, привлечь, заставить вернуться и остаться навсегда:

«Чукотка будто распахнулась перед ними, обнажилась. Очаровывала, кружила... заманивала, влюбляла яростными чувственными закатами, светлыми дрожавшими нежными рассветами, кипением жизни...» (Забарова, 2020, с. 135). Чукотка влюбляет и «держит» человека, хотя бы однажды близко познакомившегося с ней: «Он освободился от Чукотки, но Чукотка не хотела отпускать его и настигала весной... особенно весной...» (Забарова, 2020, с. 48). Один из героев романа, любящий Чукотку, искренне переживающий за ее разорение, за ее будущее, сравнивает ее с девушкой на выданье, но без приданного: «...бесприданница, золото все вычерпали, новых месторождений не предвидится...» (Забарова, 2020, с. 79).

Особенно остро любит и чувствует Чукотку рожденный там человек. Только он может понять и принять ее холодность, гордость, отстраненность ото всех. Таким человеком в романе является Тамара, она проникновенно любит свою родину, и ей просто не может быть плохо на своей земле. Видя, как Чукотка в 90-е годы прошлого века гибнет, как бегут оттуда люди, как зарятся на богатства природы и земли иностранцы, Тамара жалеет Хатырку: «Жалела эти горизонты и речные русла и ручьи, и ее безлюдье, оторванность от цивилизации, пусть она такая холодная, гордая, сама в себе, но это ее земля, как мать... за это время она научилась понимать эту землю» (Забарова, 2020, с. 272). Здесь в полной мере пейзаж становится созвучным морально-нравственным духовным ценностям персонажей.

Несмотря на то, что главными действующими персонажами произведения являются люди, Чукотка выступает как самостоятельный герой романа, заставляя человека совершать непредсказуемые поступки, а зачастую даже кардинально меняя сюжетную линию повествования: «Весенние влажные ветры, еще хранящие запах снега, но уже пробиваемые терпкими горькими запахами отогревающейся под солнцем земли, будоражили, куда-то звали за собой...» (Забарова, 2020, с. 43). Здесь пейзаж приобретает функцию сюжетной мотивировки, а значит и оказывает влияние на принципы сюжетосложения романа. Природа этого края спасает от голода бригаду геодезистов, застрявших в «полях», предоставляя возможность наловить много рыбы: «...спасла Чукотка, вставшая на нерест» (Забарова, 2020, с. 150).

В романе Чукотка «разговаривает» с людьми, а в случае с главным героем даже «дарит» ему спутницу жизни, жену. Там, в тундре, среди морошкового поля Вагатын впервые увидел Тому – необычайно красивую чукотскую женщину, тогда он и услышал внутри себя «голос, четко произнесший – “твоя жена”» (Забарова, 2020, с. 23). Позже Тома, умевшая понимать и распознавать знаки родной земли, смеясь подтвердила: «– Конечно, было, конечно, сказано. – Кем же? – Чукотка сказала. – А тебе сказала? – А мне и говорить не надо, я сразу знала...» (Забарова, 2020, с. 23). И сами герои романа разговаривают с Чукоткой, приветствуют, прощаются, советуются, молят о помощи, благодарят за поддержку. Чукотка «принимает» бригаду Вагатына и помогает выполнить сложную работу: «И только Чукотка пока была на их стороне. Чукотка дала им погоду» (Забарова, 2020, с. 192). Таким необъяснимым метафизическим влиянием природы края на чувства и судьбу человека автор романа добавляет особый мистический, можно сказать, мифический элемент в образ Чукотки. Олицетворение – один из важнейших приемов мифологизации: «Посредством персонификации четче обособляется субъект мифического действия, что является важным условием конкретизации мифологического образа» (Нужная, 2016, с. 151). В данном произведении образ Чукотки трансформируется в подлинно мифологический образ.

Основные природные объекты: солнце, луна, земля, вода, метеорологические явления часто мифологизируются, особенно в культурах народов, живущих в максимально естественных условиях. В культуре северных регионов до сих пор сохраняется сакральная функция многих природных объектов (и, в частности, солнца), которые ложатся в основу образной структуры и Чукотки, и героев, а их маркировка в романе погружает читателя в специфику местного колорита. В романе «Ватыркан» можно найти немало таких примеров. Первая встреча главного героя с Тамарой, повлиявшая на дальнейшие чувства Вагатына, происходит на морошковом поле, где образ женщины предстает в ярком сиянии солнца: «...среди красно-оранжевого поля, облитые оранжевым же солнцем, сидели женщина с ребенком и горстями поедали эту морошку...» (Забарова, 2020, с. 21). Так для героя образ возлюбленной сливается с образом солнца навсегда. Разное солнце – то бледно-желтое в зимней дымке мороза, то ярко-красное в летней тундре, то золотисто-блестящее ранней весной – становится символом радости и любви: «...он был счастливо влюбленный, это тоже ото всего отражалось – как раннее апрельское солнце от покрытого толстым слоем гладкого слюдяного льда беринговского лимана» (Забарова, 2020, с. 112).

Пейзаж в романе является темпоральным маркером, определяющим смену времен года или времени суток: «Изображаемый пейзаж часто выполняет в художественном произведении функцию хронотопа, четко устанавливая время и место действия» (Нужная, Авдонкина, 2022, с. 68). Однако в случае с чукотским пейзажем – это еще и временная непредсказуемость: в любой момент может наступить «белый мрак», буря, снежная буря, когда физически невозможно ничего разглядеть: «Поземочка пошла – ооо – собираемся. Поземка – предвестник пурги, придет пурга, себя не найдешь, своей руки не увидишь...» (Забарова, 2020, с. 124). Человек на Севере живет и действует по указаниям ежедневных природных изменений.

Вся система персонажей в романе так или иначе связана с образом Чукотки: кто-то находит там себе жену, кто-то – дело своей жизни, кого-то Чукотка закаляет, кого-то в прямом смысле слова сводит с ума, кто-то там становится сильнее, выживает, а кто-то погибает. Это является ярким примером влияния образа Чукотки на формирование характера персонажа. Именно климатические условия и природные реалии формируют характер человека, эту особенность заметили еще французские романтики начала XIX века, идеи которых получили дальнейшее развитие в трудах отечественных и зарубежных писателей.

Взаимоотношения природы Заполярья и человека в романе «Ватыркан» дополняют антропологический аспект образа Чукотки. Несмотря на то, что присутствие человека воздействует на природу, ландшафт

или экологию этого региона, именно Природа властвует над человеком. Герои романа осознают эту власть, принимают ее, но являясь частью животного мира, не могут не противостоять ей, чтобы выжить: «Мы шли и брали, что под руку ляжет, а не брать, тогда что? Подохнуть самим? Нет, деликатности никакой не было между нами и природой. Тогда все казалось закономерным» (Забарова, 2020, с. 242). Особые взаимоотношения с природой в силу профессии складываются у ученых: полярников, геодезистов, метеорологов, геологов и др. Эти люди изучают природу, смотрят на нее сквозь математические, физические или химические формулы. Они записывают природу цифрами и словами, но, как ни парадоксально, именно у этих людей чаще всего выявляется мистическое или сакральное отношение к ней. И этот аспект справедливо выделяет автор романа: «...они работали на интуиции и сверхинтуиции, на предчувствиях, допусках – создавая ощущение полета, как будто ты паришь где-то в центре вселенной в окружении светил и звезд и вокруг тебя бесконечность во все стороны» (Забарова, 2020, с. 163).

С. Забарова часто обращается к пейзажным образам Чукотки для создания портретов своих героев, что, безусловно, усиливает специфику национального колорита в тексте произведения. Соотнесенность портретных зарисовок с животными образами в романе больше связана с описанием коренных народов этого региона. Молодая женщина – Тамара – при первой же встречающейся в романе характеристике сравнивается с самкой северного оленя – важенькой, и этот образ остается устойчивым на протяжении всего произведения: «...удивительное существо, на длинных тонких ногах... С маленького, но крепкого лица с твердым аккуратным ртом куда-то мимо Вагатина глядели олени, влажно блестящие глаза» (Забарова, 2020, с. 22). В описании древнего природного танца, исполненного Тамарой, ее руки сравниваются с крыльями северной птицы – гагары: «...смуглые ладони вспархивали к щекам легко, как гагачьи перышки, к смуглому лицу с глазами важеньки» (Забарова, 2020, с. 14). Эмоциональное воздействие на читателя усиливает добавление мистического элемента к портретным характеристикам героев: «Этот мистический танец под тягучую музыку, густую, как кровь из вскрытого оленьего горла, приманивал, зачаровывал, звал в пространства без времени и судьбы...» (Забарова, 2020, с. 14). Фигуру Тамары автор сравнивает с древним шаманским изваянием. Другая сцена разделки оленьей туши поражает противоречивостью вызываемых ощущений: «...в его жестоких и резких движениях было что-то мрачно красивое, завораживающее... одуряюще пахло парной кровью, жаром освеженного мяса, смертью и одновременно жизнью...» (Забарова, 2020, с. 236). Жизнь и смерть сливаются воедино в образе Чукотки: мясо убитого животного дает возможность человеку выжить в жестких условиях бескрайней тундры.

Автор романа «Ватеркан» мастерски пользуется известным романтическим приемом «сопутствующего признака настроения», когда чувственные переживания героев связываются с пейзажными образами. Так, писатель дополняет психологический портрет персонажа, делая его характернее и ярче. Например, в упомянутой уже встрече Вагатина с Тамарой фигуру женщины озаряет солнце, навсегда связывая эти два образа. Другим примером можно назвать то, что, как отмечает сам герой, воздух Чукотки «влияет на химию крови». Именно там, не в городских спокойных, тепличных условиях проживания, а в том тяжелом, полевом выживании мужчина ощущает острую жалость к женщине, желание ее защитить, оградить от беды: «...он чувствовал свою силу перед ней и свою жалость к ней, мужскую жалость, как к тонущему в бурном потоке детенышу оленихи» (Забарова, 2020, с. 114). Природные аналогии сопровождают описания чувств героев, оттеняют настроение персонажа, усиливая психологическое воздействие на читателя. Таким образом, психологизм становится ведущей стилистической доминантой романа «Ватеркан».

Образ Чукотки в пейзажных описаниях

Пейзаж является неотъемлемой частью практически любого художественного текста. Каждое произведение создает особый образ пейзажного пространства, который дополняет общую художественную картину мира того или иного уголка Земли. Полярные пространства, как наименее доступные и изученные, привлекают особое внимание художников слова, но и требуют особого выражения.

Создание художественного образа Чукотки невозможно без описания северных метеорологических природных явлений: снега, измороси, вьюги, бури, метели, инея, пурги, поземки. Описания этих метеорологических явлений становятся важными для создания специфической художественной концептосферы Заполярья.

Образ снега – центральный гидрометеор в описании Севера, т. к. он климатически связан с характеристикой полярной природы. Снег лежит на Чукотке около восьми месяцев в году. Этот образ тесно сплетен с понятиями холода/мороза/метели, а часто и Севера/Сибири/Арктики. В романе «Ватеркан» слово «снег» встречается 45 раз, оно сопутствует описаниям всех основных мест действия. Однако именно авторские метафоры создают особый образ снега. Например, оксюморон, сочетающий противоречащие, бинарно-оппозиционные понятия в сравнении снега с пеплом: «С черного купола медленно, крупный и бесшумный, падал снег. Он родился из высокого мрака неба и тянулся вниз, опадая белоснежным пеплом» (Забарова, 2020, с. 6). Снег «рождается», как живое существо. Прием олицетворения природных явлений – наиболее распространенный прием, способствующий «выведению снега» на подлинно персонажный уровень. В романе снег «живет», он подобен художнику-творцу, который при помощи ветра «пишет» свои собственные зимние пейзажи: «Прибрежные ветры прочесывали и гоняли по ней легкие крупинчатые снега, они скапливались во впадинках и старых окаменевших колеях, создавая причудливые то ли узоры, то ли знаки – чукотскую ландшафтную тайнопись» (Забарова, 2020, с. 113).

Описание снега способствует созданию природного колорита и его закреплению в сознании людей, и в разных локациях образ снега воспринимается по-разному. Так, в больших городах выпавший снег стараются сразу убрать в силу определенных городских условий проживания, но при этом образ снега меняется с некоего

светлого, чистого, радостного объекта наблюдения в дикой природе на грязный, ненужный, раздражающий элемент городского пейзажа: «На улицах стали применять реагенты, и снег превратился в какую-то прогорклую жижу, и вдоль тротуаров, никем не убранный, образовывал грязные, в саже выхлопов и копоты, подгорелые сугробы» (Забарова, 2020, с. 55). Совсем иной образ снега вырисовывается в дикой природе Чукотки. Даже весной, когда снег уже тает, его свет, чистота и свежесть наполняют природу: «Природа <...> повернула на весну, потеплело, воздух дрожал, его промывали весенние, напоенные снеговой оттайкой ветры, пронизывало сиянием ободрившееся солнце...» (Забарова, 2020, с. 100). Снег в Заполярье никогда не бывает «грязной жижей», он всегда свежий, серебристый, жемчужный, золотистый, розоватый, любых невообразимых оттенков, а главное – девственный, не тронутый следами человеческой деятельности, что и создает тот образ чистой, светлой природы Чукотки.

Дикая природа Севера живет по своим законам, не прислушиваясь и не подчиняясь желаниям человека. И именно природные явления властвуют на этом побережье, заставляя людей существовать соразмерно их проявлениям: «Не стало, ни земли, ни неба, не было поселка и людей в нем, хозяйничала пурга, утопив все вокруг в яростной мгlistой круговерти» (Забарова, 2020, с. 125). Пурга – еще одна природная вариация снега в совокупности с сильным ветром. Упоминание этого природного явления в романе встречается даже чаще, чем слово «снег». Плащ, «исхлестанный чукотскими и колымскими пургами и ветрами» (Забарова, 2020, с. 12), является самым дорогим одеянием для одного из героев романа даже в городской жизни, поскольку этот плащ лучше всего защищает от непогоды, хранит в себе отголоски былых воспоминаний и возвращает хозяину радость от единения с северной природой. В романе «Ватыркан» пурга связывается особой метафорической идентификацией, схожестью по определенным признакам, с героями произведений. Одни с пургой сражаются, борются, другие – терпят, переживают, третьи – принимают и понимают, а можно и вовсе «пропасть» в пурге «зависнуть между небом и землей». Например, один из героев по прозвищу Хозяйка «рвал эту пургу, пер вперед, бился с обрушившейся на них всей своей мощью природой» (Забарова, 2020, с. 286).

В северных регионах предвестником пурги является поземка – низовой ветер, переносающий снег и заматающий все следы: «С легким шорохом покров снялся с места, и по низу потекло снеговыми прядями» (Забарова, 2020, с. 124). Опытные полярники знают и умеют различать все виды поземки и ее коварство. Когда в лютый мороз добавляется пурга, в тундре практически не выжить, поэтому образ пурги всегда несет в себе коннотационное значение опасности, угрозы и риска: «...что ты будешь петь в тундре в пургу, при минус пятьдесят, когда у тебя встал вездеход?» (Забарова, 2020, с. 60). Автор романа мастерски подмечает особый характер этого явления в зависимости от времени года: зимой пурга – яростная и жестокая при сильных морозах, осенью – долгая и непроглядная, а весной – менее напористая и продолжительная, «будто стихия растратила свою энергию и вконец обессилела» (Забарова, 2020, с. 129). Пурга на Чукотке разная, и для описания ее заполярных особенностей С. Забарова использует неупотребляемое в речи множественное число этого существительного, что придает специфический лексико-стилистический колорит тексту произведения. Образ пурги неразрывно связывается в романе с образом Чукотки: «Пурга, переправа, Чукотка, одним словом...» (Забарова, 2020, с. 296).

Характерной чертой романа «Ватыркан» становится ярко выраженный анимизм, оживотворение северной природы. Например, Северное сияние – одно из красивейших природных явлений, характеризующих Заполярье. Здесь природа демонстрирует человеку всю свою красочную многогранность, необычность и даже мистичность. Без северного сияния невозможно представить природный образ Чукотки. Автор романа использует здесь традиционно сложившийся образ танцующего неба: «...танцующее древний танец Северное сияние» (Забарова, 2020, с. 14).

Особыми, можно сказать, центральными компонентами художественного образа природы являются образы солнца и луны. В северном пейзаже эти образы приобретают специфический колорит. Часто образы солнца и луны складываются в художественном произведении в бинарную оппозицию «день-ночь». Несмотря на знакомое для читателя понятие «полярный день / полярная ночь», когда в первом случае это явление сопровождается позитивной, а во втором случае – негативной коннотацией, в романе «Ватыркан» оно не становится ярко выраженной оппозицией. Наоборот, появившееся вдруг солнце иногда мешает героям выполнять свою работу, мешает настройкам точного нивелирования, а проступившая сквозь облака луна помогает определить дорогу. Практически во всех описаниях солнца автор использует антропоморфические сравнения: «ободрившееся солнце» (Забарова, 2020, с. 100); «солнце уже стало потихоньку сползать к горизонту» (Забарова, 2020, с. 214); «солнце вдруг вырвалось из маревого плена» (Забарова, 2020, с. 214) и др. Луна, являясь физическим объектом неживой природы, даже чаще, чем солнце, становилась объектом романтизации: под луной признаются в любви, происходят тайные свидания, совершаются загадочные преступления и т. п. Образ луны в романе тоже персонифицируется: «В черном небе стоял круглый и твердый зрачок луны» (Забарова, 2020, с. 113); «...на светлом небе дрожал бледный прозрачный лунный диск» (Забарова, 2020, с. 138); «...еще стоял, постепенно истаивая, голубоватый лунный диск» (Забарова, 2020, с. 249); «...гуляют волны лунного света» (Забарова, 2020, с. 314). Таким образом, природа в романе богата и изменчива, но она предстает как единое целое, сохраняя при этом свои сакральные функции.

Невозможно представить себе природно-пространственный образ Чукотки без описания тундры – основного ландшафтного образа земли в том регионе. Во все времена и у всех народов земля ассоциируется с незыблемой константой, ее наделяют священным и даже сакральным смыслом. Среди коренных народов Севера распространено особое, трепетное отношение к земле, которая хранит могилы предков и придает вдохновение живущим на ней людям. Своей землей, любимым пространством для северных жителей является тундра. Тундра непредсказуема, она колоритна и многогранна. Описание тундры в романе «Ватыркан»

не перестает поражать своим разнообразием: оранжево-попыхающая в период созревания морошки, стеклян-но-ледяная в период подтаивания, сизовато-дымная в период пожаров, твердо-промороженная – в зимнюю стужу. Прибрежная тундра завораживает весной, когда просыпается: «...от земли чуть парило, буро-рыжими пятнами цвел лишайник, перескакивали многочисленные, в мелко-галечных руслах, слегка посеребренные частой рябью ручьи...» (Забарова, 2020, с. 177). Для героев романа тундра живет и взаимодействует с ними: «Издали казалось, что тундра внезапно покрылась коричневатым кочкарником, потом вдруг земля вздыбилась, потекла в стороны... и на них...» (Забарова, 2020, с. 235). Именно эту землю, улетаая, хочет запомнить Вагатин, «эту уходящую от него, быть может, навсегда панораму чукотской земли: каждую сопку, излучину ручья, излом береговой линии, домик метеоролога...» (Забарова, 2020, с. 22). Потому что исхоженная своими ногами, долгими часами и днями, она становится для него своей, родной и любимой. Такая земля, как чукотская, является для человека глубокий повод для размышления: именно она показывает всю силу и мощь Природы по сравнению с мизерностью человеческого воображения, не способного до конца постичь ее богатство и красоту.

Чрезвычайно богата и ассоциативная колористика романа в описании природных реалий заполярных пространств. Всеми красками представлено северное небо: «...маленькое круглое красное солнце в сумеречном серовато-лиловом чукотском небе» (Забарова, 2020, с. 65), «высокий мрак неба» (Забарова, 2020, с. 6), «пустое голубое небо» (Забарова, 2020, с. 34), «чистое жемчужно-розовое небо» (Забарова, 2020, с. 42), «поглощенное тучей небо» (Забарова, 2020, с. 85), «черное небо», «ровное небо в серо-жемчужных разводах» (Забарова, 2020, с. 124) и др.

Береговая зона, т. е. зона слияния Земли и Воды, суши и моря, часто привлекает внимание художников и писателей своей неиссякаемой образностью и особенной поэтичностью: «Вся прибрежная полоса сверкала в лучах желтого солнца, как золотиносная россыпь...» (Забарова, 2020, с. 151), «...прибрежные ветры прочесывали и гоняли по ней легкие крупинчатые снега...» (Забарова, 2020, с. 113), «...вода, капризная, раскинула по прибрежной полосе прихотливые письмена» (Забарова, 2020, с. 130). Сложный береговой ландшафт Чукотки не дано расшифровать человеку. Автор романа находит необычную метафору, сравнивая взаимодействие природных явлений с шахматной партией: «На этом участке земля и вода играли друг с другом сложную многоходовую партию в шахматы» (Забарова, 2020, с. 130). В романе «Ватыркан» берег Чукотки предстает как «слияние земного и небесного в одном великом космическом единении» (Забарова, 2020, с. 97).

Так в пейзажных описаниях Чукотки центральными становятся образы-гидрометеоры: снег, пурга, поземка, изморось, что соотносится с климатическим особенностям региона. Основные природные объекты (солнце, луна, земля) персонифицируются, приобретая при этом сакральное значение. Ландшафтный образ тундры богат ассоциативной колористикой, а олицетворение природного мира подчеркивает безграничную и неразрывную связь человека и природы.

Заключение

В соответствии с поставленными задачами, можно сделать следующие выводы.

1. Выявленный в романе С. Забаровой «Ватыркан» художественный образ Чукотки непосредственно влияет на принципы сюжетосложения. Природные образы северных пространств служат раскрытию внутреннего действия и создают особый психологический «климат» романа. Действие романа протекает на фоне полярной природы и в тесном соприкосновении с ней. Географическая детализация усиливает эффект правдоподобия, погружает читателя в атмосферу северного пространства и создает образное представление о Чукотке.

2. Детали чукотского пейзажа, описание традиций, флоры и фауны этого региона, персонификация природных объектов и использование приема «сопутствующего признака настроения» в романе создают национальный колорит, демонстрируют влияние природных явлений на характер и судьбу человека, влияют на расстановку героев внутри системы персонажей и на портретные характеристики людей, а также выделяют специфику психологии героев.

3. Образ Чукотки выполняет функцию основного эмоционального фона для развития сюжета. Поэтические образы природы становятся звеньями, соединяющими в единое целое полную картину художественного образа Чукотки. В описании северной природы присутствует авторская характеристика пейзажного пространства Чукотки, достоверно отражающая природные реалии, а поэтический стиль подчеркивает специфику местного колорита, создает собственную метафизику романа и неповторимый образ Чукотки.

Дальнейшее исследование художественного образа Чукотки в творчестве российских писателей позволит глубже понять поэтику авторского текста, выявить специфику национального колорита и особенности его изображения в современной прозе. В настоящее время, в свете повышенного интереса к полярной тематике, постижению и сохранению культуры малочисленных народов Севера подобные исследования представляются достаточно перспективными.

Источники | References

1. Агафонова О. В. Художественный образ как эстетическая форма познавательной конструкции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9. № 6А. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.98.58.014>
2. Арутюнова Н. Д. Семиотические концепты. Образ // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

3. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
5. Борисова Е. Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2009. № 39.
6. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.
7. Гаспаров М. Л. О русской поэзии: Анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб.: Азбука, 2001.
8. Горбовская С. Г. Фитоним как литературно-художественный образ (от флоротропа к субъективно-ассоциативному флорообразу) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9.
9. Епанчицев Р. В. Художественный мир рассказов и повестей О. Куваева: дисс. ... к. филол. н. Магадан, 2009.
10. Жаркова Т. В. Чукотские и колымские повести и рассказы В. Г. Тана-Богораза: в контексте становления и развития литературы Северо-Востока России: дисс. ... к. филол. н. Магадан, 1999.
11. Жулева А. С. Мифопоэтика пространства в романах Юрия Рытхэу // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3. № 3. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-3-208-231>
12. Жулева А. С. Три мира народов Севера. Литературные образы. М.: Филинь, 2020.
13. Лихачёв Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8.
14. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа: сборник. М.: Гнозис, 1994.
15. Миляхова Л. П. Роман Еремеев Айпина «Ханты, или Звезды Утренней Зари»: генезис, образный строй, контекст, поэтика: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2008.
16. Нужная Т. В. Мифологизация пейзажных элементов и их функции в повести Ф.-Р. де Шатобриана «Атала» // Научный диалог. 2016. № 1 (49).
17. Нужная Т. В., Авдонкина Ю. С. Художественное воплощение метеорологических явлений в романе П.-Э. Виктора «Земли полярные – земли трагические» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2022. № 4. <https://doi.org/10.5922/pikbfu-2022-4-7>
18. Павлов С. С. Концепт СЕВЕР в художественной картине мира чукотского поэта В. Г. Кеулькута // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 5. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-93-113>
19. Хазанкович Ю. Г. Художественные хронотопы в прозе малочисленных народов Севера (к постановке вопроса) // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2007. № 2.
20. Чукотская литература: материалы и исследования / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2007.
21. Юрина М. А. «Чукотка» Т. З. Сёмушкина как «повесть воспитания» // Альманах современной науки и образования. 2016. № 10 (112).
22. Barthes R. *Mythologies* // Barthes R. *Oeuvres complètes: en 5 vol.* P.: Seuil, 2002. Vol. 1.
23. Bodkin M. *Archetypal Patterns in Poetry*. 3rd ed. N. Y., 1963.

Информация об авторах | Author information

RU Нужная Татьяна Владимировна¹, д. филол. н., доц.
¹ Санкт-Петербургский государственный университет

EN Tatiana Vladimirovna Nuzhnaia¹, Dr
¹ Saint Petersburg State University

¹ ta_nu@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.01.2025; опубликовано online (published online): 20.02.2025.

Ключевые слова (keywords): роман С. Забаровой «Ватыркан»; художественный образ Чукотки; персонификация природных объектов; линии сюжетного повествования; специфика психологии героев; авторская характеристика пейзажного пространства; поэтические образы природы; S. Zabarova's novel "Vatyrkan"; artistic image of Chukotka; personification of natural objects; plot lines; specifics of the psychology of the characters; author's characterization of the landscape space; poetic images of nature.